ВИКТОР КРЫСОВ

geography2004@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Независимо от того, что представляет из себя процесс глобализации и какова оценка степени объективности этого процесса со стороны различных научных школ, глобализационный дискурс сформирован как объективная данность (см. прим. 1).

Не вдаваясь в лингвистические подробности, "глобализационный дискурс" можно определить как всё множащийся объём суждений, исследований и текстов, объединенных аспектом целостности мира и возможными соотношениями разных форм существования в рамках этой целостности. Глобализационный дискурс представляет из себя несколько переплетающихся дискурсивных практик (см. прим. 2) разных научных направлений (экономики, политологии, социологии) при некотором приоритете экономики.

Данный термин видится более предпочтительным, чем "глобальный дискурс" (см., например, сборник статей Глобальный дискурс, 2003), хотя смысл обеих форм не дифференцирован. В первом случае понятие в большей степени относится к глобализации как концепции, во втором, скорее, к глобалистике как междисциплинарному подходу.

Вопрос целостности мира как феномена глобализации приводит к необходимости постановки угла зрения: эту целостность следует рассматривать одновременно и "сверху", с глобального уровня, и "снизу", с локального, и изнутри; положение наблюдателя становится решающим при определении аспектов формирующейся целостности мира. Установление объективных аспектов целостности зависит и от дисциплинарной принадлежности наблюдателя: в отличие от физиков или географов экономисты, политологи, социологи, культурологи изучают свои отдельные миры со своими критериями целостности.

Аналогичные проблемы не детализированы до сих пор и при рассмотрении глобализации. Существующие теории фиксируют глобализацию и как трансцендентный процесс, "независимый от нас и наших знаний о нём" (например, разворачивающийся в рамках номогенеза), и как "предельный объект" развития общества, и как совокупность процессов интернационализации общественной жизни, и как деятельность элит, и как концепцию, обозначающую либо эти подходы по отдельности, либо всё вместе или в разных сочетаниях. В данном случае действует логический закон обратного соотношения объёма и содержания понятия – чем шире воспринимается понятие "глобализация", тем менее конкретно его содержание, вплоть до полного размывания. Углубление понимания глобализации возможно только при сужении понятия. Сужение, уточнение понятия глобализации

видится только в развитии глобализационного дискурса.

Степень объективности процессов глобализации – предмет бесконечных дискуссий. Здесь присутствует максимально возможный разброс мнений: от признания естественности глобализации как очередного этапа развития общества до позиционирования этого процесса как результата направленной деятельности определённых политических и экономических элит.

Чтобы привнести дополнительную ясность в вопрос степени объективности глобализации, обозначим её как категорию, которая, как и любая категория, характеризуется конечной непознаваемостью.

На уровне самой возможности понимания глобализации человеческим сознанием это понятие находится в рамках релятивистских форм восприятия, рожденных в том числе развитием квантовой физики. Это значит, что в восприятии глобализации стирается та грань между объективным и субъективным, которая является предметом спора.

В квантовой физике подобные проблемы характеризуются, например, принципами дополнительности и неопределенности. Современная синергетическая парадигма познания, выросшая из системного анализа и опирающаяся в том числе на научный релятивизм, позволяет определять степень объективности процесса через роль наблюдателя и средства научного анализа: насколько наблюдатель видит данный процесс объективным (и изучает его как объективный), настолько объективно тот себя проявляет, и наоборот, изучение процесса как субъективного и управляемого привносит в этот процесс соответствующие черты и характеристики. "Синергетическое познание, взятое в контексте истории естествознания Нового времени – это и постквантовое познание. А после квантовой механики говорить об открываемом кем-то вообще, без ссылок на наблюдателя, его место и на те средства-приборы, с помощью которых он реализует само наблюдение, да еще не оговариваясь при этом, что открываемое – это наблюдаемое, сотворенное самим процессом наблюдения, – значит быть в плену реликтового языка доквантовой эпохи." (Аршинов, 1999: 31).

Но если отойти от понятия глобализации как таковой и заняться изучением глобализационного дискурса, то появляется возможность прояснения множества деталей и особенностей современных глобальных процессов. При этом объектом изучения становится не глобализация, а структура и динамика соответствующих дискурсивных практик. Методы изучения должны быть заимствованы в том числе из лингвистического и когнитологического арсенала.

Дискурсивный подход снимает не только проблему объективности-субъективности, но и истинности-ложности. "Поскольку истина недостижима, то бесполезно спрашивать, является ли что-то истинным или ложным. Вместо этого следует сосредоточиться на том, как создаются "эффекты истинности" в дискурсах. Нужно анализировать дискурсивные процессы, посредством которых дискурсы производятся так, что создаётся впечатление об истинности или ложности представленной в них картины действительности" (Филлипс, Йоргенсен, 2004: 33).

Для дальнейшего рассуждения необходимо провести ещё одно различение: глобализационный дискурс должен восприниматься как особый объект действительности (конструкт), связанный с самим процессом глобализации лишь в той мере, в какой участники данного дискурса осознают эту связь. Проблема связи означаемого и означающего является "вечной" проблемой семиотики. Насколько каждый термин, используемый в обсуждении проблем глобализации, означает реальный объект или процесс? В какой мере сами термины становится сначала симулякрами (обозначаемыми без обозначаемого), а затем конструктами, новыми реальными объектами?

Лежащей на самом виду проблемой анализа глобализационного дискурса является различение использования понятий "глобализация", "интернационализация", "интеграция", "глокализация". Помимо этого, в развитии каждого конкретного объекта (процесса, явления) современной жизни сохраняется и национальный, и региональный, и локальный аспекты. То есть, например, при характеристике какого-либо экономического процесса следует различать, какие черты в нём глобальные, интернациональные, интеграционные, национальные, локальные. Увеличение уровней иерархии увеличивает число возможных взаимосвязей: от связей между объектами (процессами) одного иерархического уровня через связи соседних уровней до макросвязей между глобальным и локальным, интернациональным и региональным.

Многообразие глобальных процессов позволяет "играть масштабами" и "жонглировать понятиями". Самый первый, но не самый простой этап структурирования глобализационного дискурса – выделение его элементов и обоснование их иерархии. К элементам дискурса относятся термины и понятия, сортированные тематически, закреплённые смысловыми взаимоотношениями и собранные в тезаурус; фреймы – стандартизованные формы осознания (обсуждения) состояний; скрипты (сценарии) – закреплённые когнитивные схемы восприятия динамики процессов.

Элементы глобализационного дискурса существуют в разных научных дисциплинах, поэтому важно обозначить различие экономических, политических, социо- и культурологических аспектов каждого понятия и при этом обосновать объединяющие научные подходы.

И последнее, но не менее важное. Глобализационный дискурс, рассматриваемый как целостный и постоянно усложняемый конструкт, является универсальным средством манипулирования общественным сознанием. Роль дискурсов в управлении рассматривается в том числе и в экономике (Крысов, 2004: 104-106). Поэтому именно создатели глобализационного дискурса, а также те, кто обеспечивает динамику его развития, постоянно обогащая новыми смыслами и деталями (новыми элементами), управляют общественным мнением и поведением в сфере глобальных процессов. За русским языком нет первенства в формировании глобализационного дискурса; более того, мы отстаём в объёмах публикаций в рамках соответствующих тем. Глобализационный дискурс не находит должного отражения в учебных курсах вузов и структуре научных институтов.

Это ещё больше подчёркивает важность такого направления исследований, как создание тезауруса глобализационного дискурса с детальным обсуждением значений каждого понятия и термина и с проработкой их взаимосвязей с разнообразной тематикой и направлениями дискуссионного поля.

Список литературы:

Аршинов В. Событие и смысл в синергетическом измерении // Событие и смысл: (Синергетический опыт языка) / РАН. Ин-т философии; Ред.: Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко. М.: ИФ РАН, 1999. С. 11-38.

Глобальный дискурс: Сборник статей / Под ред. Л.В. Савина. Сумы: ИТД «Университетская книга», 2003.

Крысов В.В. Роль экономического дискурса в управлении // Экономика. Государство. Человек. Материалы IV Чаяновских чтений. Москва, 25 марта 2004 г. М: РГГУ, 2004. С. 101-104.

Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков: Изд-во "Гуманитарный центр", 2004.

Примечания:

1. Дискурс в данном контексте понимается (по М. Фуко) как сложная совокупность языковых (дискурсивных) практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают. В процессе самовоспроизводства дискурс объединяет множество интеллектуальных единиц (сообществ, учреждений, индивидуумов), формирующих его структуру.

2. Дискурсивная практика – категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства. Дискурсивная практика формируется в процессе разных видов коммуникации (дискуссии, тексты, совместная деятельность) и закрепляется в виде тезауруса, в знаках, в когнитивных моделях общественного сознания (скриптах, фреймах).

АЛЕКСАНДР АМАТОВ

Amatov@bsu.edu.ru

ФИДЕИЗМ И СКЕПТИЦИЗМ: ДИСКУРС КОНФЛИКТА ИЛИ КОНФЛИКТ ДИСКУРСА?

(Опубликовано: О фидеизме и скептицизме // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития. Коллективная монография. - Воронеж, 2009. В настоящей статье по сравнению с оригинальным текстом имеются незначительные дополнения и изменения)

Границы веры и безграничность неверия

Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса,
Кто ни во что не верит – даже в чёрта, назло всем…
В. Высоцкий

На Земле насчитывают несколько десятков религий, сотни конфессий и тысячи сект и расколов. Как правило, последователи этих религиозных течений считают своё вероисповедание истинным (в крайних случаях – единственно истинным), а все остальные – в той или иной степени ложными, либо неверными в корне, либо искажёнными. Пожалуй, единственное, что объединяет все религии, конфессии и более мелкие религиозные течения – это вера в сверхъестественное и неприятие тех видов мировоззрения, в которых вера в сверхъестественное отсутствует. Любопытно, что зачастую особую неприязнь верующих вызывают даже не огульное отрицание всего сверхъестественного (воинствующий атеизм), а простое неверие в наличие сверхъестественного (агностицизм и особенно скептицизм). Ещё любопытнее то, что, споря со скептиками, верующие нередко вступают в бой с «ветряными мельницами», оспаривая те позиции, которые имеют весьма опосредованное отношение к скептицизму или же вообще к нему не относятся. Таким образом нередко мы сталкиваемся с ситуацией дискурсного диссонанса: апологеты двух различных позиций либо не могут найти, либо не хотят искать точки соприкосновения. Попробуем неспеша разобраться в этой непростой ситуации.

В качестве примера приведём расположенный на официальном сайте РПЦ МП (http://www.pravoslavie.ru/answers/) 15.04.2008 г. ответ иеромонаха Иова (Гумерова) на такой вот вопрос:

Мой знакомый называет себя скептиком и отрицает всё сверхъестественное. Он нередко употребляет научные термины и утверждает, что такой подход свойственен науке. Все разговоры с ним оказываются бесплодными. Нужно ли спорить с такими людьми?
Никита

Можно усомниться в скептицизме знакомого Никиты, поскольку скептик

вряд ли станет отрицать сверхъестественное само по себе за отсутствием чёткого определения предмета и способов его обнаружения в непосредственно наблюдаемой реальности – скептик скорее будет отрицать *доказательства* существования сверхъестественного как несостоятельные. Но, в конце концов, Никита мог не совсем точно сформулировать мысль, да и какая нам, собственно, разница – настоящий скептик его знакомый или только делает вид? Гораздо интереснее рассмотреть соображения иеромонаха по поводу скептицизма, чем мы и займёмся в этом разделе.

Поскольку ответ получился достаточно объёмным, мы не будем приводить его полностью, а отсылаем читателя на соответствующую страницу в Интернете. Здесь же рассмотрим лишь наиболее интересные, на наш взгляд, моменты.

В первом же предложении иеромонах Иов (Гумеров) безапелляционно утверждает: *«Скептицизм не имеет никакого отношения ни к познанию, ни к логике»*. Такая решительность иеромонаха несколько обескураживает. Скептицизм – это, прежде всего, *гносеологический* метод. То есть к познанию имеет самое непосредственное отношение. Логика – один из инструментов познания. Логические принципы достаточного основания и парсимонии (развитие «Лезвия Оккама») являются излюбленными инструментами скептиков. Опровергая логикой схоластические «доказательства» бытия бога, Иммануил Кант действовал как стопроцентный скептик – правда, потом он выдумал нравственное «доказательство», но здесь как раз скептицизм Канта закончился (возможно, философ сам его испугался). В конце концов, ещё античные скептики (Пиррон и Секст Эмпирик) свою философию основывали на сомнении в достоверности *знания*. В этой ситуации говорить, что скептицизм не имеет отношения ни к гносеологии, ни к логике может только человек, плохо знакомый либо со скептицизмом, либо с гносеологией, либо с логикой.

Однако читаем далее: *«Это – определенная нравственно-психологическая болезнь. Она порождается бесплодием и творческой беспомощностью»*. Тут своего рода и диагноз, и причины – только анамнеза не хватает. Почему-то религиозные деятели нередко пользуются терминами, более уместными в медицинском, нежели в философском типе дискурса, когда говорят или пишут о взглядах своих оппонентов. Нравственные аспекты такого способа ведения дискуссии проигнорируем, отметив лишь непоследовательность подобной критики скептицизма (да и любого мировоззрения или метода вообще): называя явление болезнью, следовало бы чётче определиться с причинами, т.е. явлениями, при которых заболевание возникает и при устранении которых оно исчезает. Здесь же в качестве причин заболевания названы «*бесплодие*» и «*творческая беспомощность*». А так ли это? Разве философы-скептики так уж бесплодны и творчески беспомощны? Это не говоря об учёных-скептиках – речь о научном скептицизме пойдёт ниже. С другой стороны, неужели все творческие импотенты – скептики? Очевидно, нет. Так по поводу какого заболевания просвещает Никиту и прочих читателей сайта иеромонах Иов (Гумеров)?

«В духовной области это проявляется, прежде всего, в неспособности иметь веру и познать невидимый мир», – продолжает иеромонах. Простите, а при чём здесь

способность? Скептицизм – это *нежелание* принимать что-то на веру, в данном случае – существование сверхъестественного. Вспоминается замечательный тост из хорошего советского кинофильма: «Имею желание купить дом, но не имею возможности, имею возможность купить козу, но не имею желания…» Sapienti sat.

«В культуре скептицизм, критицизм, нигилизм всегда возникали как следствие творческой несостоятельности», – развивает мысль иеромонах Иов (Гумеров). Здесь остаётся только руками развести: во-первых, почему скептицизм, критицизм, и, самое интересное, нигилизм поставлены в один ряд, а во-вторых, неужели критицизм – это всегда *«следствие творческой несостоятельности»*? Всегда и не иначе? Тогда как быть с критицизмом самого иеромонаха?

Далее Гумеров ссылается на Г.Г. Шпета, приводя цитату из его эссе «Скептик и его душа» (Шпет, 1994): *«Самую большую тяжесть, источник постоянного беспокойства, скептик носит в себе самом – сознание своей слабости, страдание от отсутствия положительного творчества. У него не хватает сил на действительное воздержание от суждения <…> Отвергнутый истиною, скептик чувствует себя заброшенным в своем одиночестве, и в нем рядом с затаенным чувством неудачи, как у всякого неудачника, развиваются самомнение и надменность. Его самомнение развивается, с одной стороны, в желание, и даже страсть, принизить других. Он видит в них свои же недостатки, его изображение с любовью останавливается на их слабостях, он культивирует в себе способность открывать их с первого взгляда, он беспокойно подозрителен и не верит их заявлениям о положительных целях, частичных достижениях и удачах; и если невозможно заподозрить их искренность, он видит наибольшее утешение в констатировании частичности их успехов, усиленно подчеркивая их слабость для достижения целого»*.

Герменевтика Густава Шпета – явление само по себе примечательное, но нам сейчас важнее не идеи (интересные, хотя и порою спорные) самого Шпета, а то, как его цитируют. В данном «этюде по философской интерпретации» Шпета есть, в частности, такие места, которые иеромонах тщательно обошёл: «*Везде, где мне нужны четкие формулы и определенные слова, я обращаюсь к Сексту Эмпирику. У него еще не утеряны античные навыки чистоты и ясности выражения. Факт, что со времени античного скептицизма последний не приобрел новых аргументов и не развил старых, сам по себе показателен. Если бы можно было считать скептицизм философским учением, пришлось бы считать его единственным в этом смысле. Своего рода абсолютная завершенность!»* Вот так – как только нужны чёткие формулы, так сразу обращается к скептикам (вернее, к одному скептику, но какому!). И дальше, цитируя самого Секста Эмпирика: *«Есть, по крайней мере, три положения, которых скептики не отвергают, и которые ими признаются до их скептического воздержания, и признание которых, строго говоря, только и делает возможным само это воздержание. (1) Истина существует и она — действительна, хотя и не достигнута человеческим познанием. Это ясно из самого определения скептиков как искателей истины: "Относительно того, что ищут в философии, одни говорили, что нашли истинное, другие утверждали, что оно не может быть постигнуто, а третьи еще ищут... а ищут скептики"»*.

Читатель может недоумевать – как же так, этот Шпет то хвалит скептиков, то называет их неудачниками, то пишет о *«скептическом воздержании»*, то о том,

что у скептиков *«не хватает сил на действительное воздержание»*. На это коротко можно ответить так: Шпет пишет о разных видах скептицизма – философском и психологическом. Именно во втором смысле слово «скептик» иногда употребляется в обиходной речи и часто имеет смысловой оттенок «малодушие». Именно эту часть эссе Гумеров и процитировал. Но философский и тем более научный скептицизм здесь совершенно ни при чём! И ещё одна характерная черта: психологический скептицизм у Шпета связан преимущественно с одной сферой человеческой деятельности, а именно – с литературной. Наверное, писателя-скептика читать неинтересно, наверное, в литературе обязательно должны присутствовать и идеализм, и романтизм – но при чём здесь логика и познание действительности, то есть всё то, с чего начал претензии к скептицизму иеромонах? А вообще, чтобы составить мнение о философских воззрениях Густава Шпета, целесообразнее читать его самого, а не отдельные цитаты из его работ – хоть приведённые нами, хоть иеромонахом Иовом (Гумеровым). И чтобы закончить с цитированием Шпета, отмечу троеточие в середине его цитаты. В этом месте иеромонах выкинул значительный по объёму (да и по содержанию, откровенно говоря) кусок текста. В частности, в купированном отрывке Шпет пишет следующее: *«Догматик любит свои "мнения", как совершенную истину, дополняет воображением недостающее и смело идеализует несовершенное»*. Не оттого ли иеромонах урезал цитату, что там были такие слова о догматике, без которой невозможна никакая религия?

Пассаж иеромонаха о том, что *«деятельность скептика абсолютно не имеет ничего общего с наукой»* оставим пока без комментариев, поскольку о скептицизме в науке речь пойдёт в другом разделе. Посмотрим. Как иеромонах противопоставляет науку и скептицизм: *«Скептицизм, напротив, пытается всё, выходящее за пределы обыденного сознания, уложить в прокрустово ложе плоского рационализма. Он направлен не на творчество, а на разрушение. Скептик уже заранее решил, что "не может" быть истиной, потому что противоречит его убеждениям»*.

Похоже, что не скептики, а иеромонах за скептиков «уже заранее решил». Странно, что при этом оказался начисто забытым Густав Шпет, который как раз противопоставлял скептицизм рационализму. Ну и, конечно, хотелось бы увидеть какие-нибудь примеры разрушений, причинённых скептиками. А вот примеров разрушений, причинённых и причиняемых людьми, исповедующими Единственно Верную Истину (не обязательно, кстати, религиозную), история знает очень много.

«Трудно не увидеть впечатляющую корреляцию между массовым неверием (скептицизмом) и катастрофическим падением нравственности нашего общества», – обвиняет иеромонах скептиков в проблемах современности. Скорее уж эту корреляцию трудно увидеть. Практически невозможно. Например, совершенно непонятно, где в современном обществе Гумеров обнаружил массовый скептицизм. Вообще складывается интересная ситуация с общественным мнением россиян в представлении РПЦ. То церковь утверждает, что большинство граждан – православные (например, когда надо ввести в общеобразовательных школах «Закон божий»). То вдруг, откуда ни возьмись, появляется повальный скептицизм (когда надо кого-то обвинить в напастях).

То раздаются сетования на широкое распространение суеверий, популярность гадалок и астрологов, что никак не вяжется ни с приверженностью большинства людей православным ценностям, ни тем более с массовым скептицизмом. Нам, как скептикам, было бы очень интересно узнать, какая из этих трёх «истин» самая истинная.

Конечно, это всего лишь одна небольшая заметка отдельно взятого иеромонаха, но дело в том, что другие богословы и священники отзываются о скептицизме ничуть не лучше. Во всяком случае, нам не встретилось ни одной статьи или книги религиозных авторов, в которых отношение к скептицизму было бы хотя бы нейтральным. Не следует забывать и о том, что данный ответ размещён на официальном сайте РПЦ МП, и поскольку мнение Гумерова церковным руководством не дезавуировано, мы вправе считать его официальной позицией церкви по данному вопросу.

Откуда такая неприязнь церкви к скептицизму и скептикам? На наш взгляд, причина в том, что скептицизм совершенно невозможно увязать с догматизмом, а догматизм – основа любой религии. Для миссионера, проповедующего свою религию представителям другой религии, по сути, основной задачей является опровержение «неправильных» догматов и внедрение на их место своих, «правильных». Примерно то же самое касается и носителей нерелигиозных, но догматичных типов мировоззрения – например, догматического коммунизма. РПЦ, безусловно, активно занимается демонизацией советского прошлого (в особенности всего, что связано с Октябрьской революцией), однако вполне лояльно относится к современным коммунистам, которые нередко отвечают церкви взаимностью. В этой связи показательны заигрывания лидера КПРФ Г. Зюганова с РПЦ и то, как церковь отвечает на эти заигрывания (См. прим. 1). Одним словом, религия чувствует себя более или менее комфортно, когда находится на знакомом ей поле фидеизма – каким бы непримиримым ни был оппонент, он опирается на какие-то догмы, то есть *уже приучен верить*.

Совсем другое дело – скептицизм, отвергающий догмы и требующий взамен эмпирических и/или логических подтверждений по всем позициям. В дискуссии со скептиками богословы начинают чувствовать себя неуютно уже по той простой причине, что им не удаётся подменить догмы оппонентов своими догмами – у оппонентов нет никаких догм вообще. Более того, всегда есть опасность потерпеть не просто поражение в споре, но и понести вполне ощутимые потери: скептик своими аргументами может заронить в душу верующего сомнение, которое тут же начнёт подтачивать догмы самого проповедника. Столкновение религии со скепсисом – это не столкновение двух мировоззрений, а столкновение мировоззрения с методом познания, который в это мировоззрение принципиально не укладывается.

Выше мы цитировали слова Г. Шпета о том, что скептицизм нельзя «считать философским учением», и, на наш взгляд, в этом он совершенно прав. Действительно, скептицизм – не направление философии, а гносеологический метод, подобно тому, как в физике спектроскопия является методом исследования, а не направлением, в отличие от механики, оптики или

электромагнетизма. Не будучи сам по себе мировоззрением, скептицизм предлагает путь построения мировоззрения, основанного не на догмах, а на знании. И в этом смысле скептицизм несравненно перспективнее фидеизма уже в силу того, что не накладывает на себя априорных ограничений, тогда как любая система верований изначально ограждает себя рядом догматов. Этих догматов может быть относительно немного, но они есть всегда. Сами догматы могут быть очень краткими по форме – например, у христиан это Символ веры, а догматика ислама и вовсе умещается в одной фразе «Нет бога кроме единого бога и Мохаммед – пророк его». Однако эти краткие формулы всегда могут быть развёрнуты в достаточно замысловатую сеть всевозможных толкований – чем, собственно, и занимается (помимо решения прочих задач) богословская рать разных религий. Надо также отметить, что отказ от принятия догм вовсе не подразумевает, что скептик – это анархист или просто беспринципный тип, не признающий никаких правил вообще. Скептики вполне признают правила и принципы, просто не считают их чем-то раз навсегда данным и неизменным. По аналогии, футбольные правила запрещают играть в мяч рукой всем, кроме вратарей в своих штрафных площадках. Однако это правило не является догмой и отвергается, например, при игре в волейбол или баскетбол. Скептику важно не только правило само по себе, но и то, откуда оно взялось и каковы условия его применимости.

Здесь могут возникнуть вопросы: почему же фидеизм в целом более распространён, чем скептицизм и возможно ли вообще отказаться от догматизма?

На первый вопрос можно ответить так: фидеизм проще принять, поскольку догмы являются уже готовыми ответами на вопросы, причём зачастую это глобальные вопросы мировоззренческого характера. Принимая те или иные догмы, человек как бы перекладывает ответственность с себя на тех, кто ввёл эти догмы в обиход (будь то бог, понтифик или генеральный секретарь). Если посмотреть на воспитание маленьких детей, то оно также строится в первую очередь на догматике: ребёнку просто говорят, что электрические приборы трогать нельзя, потому что будет очень плохо. И только позже, когда его ум будет к этому подготовлен, ему объяснят в школе законы Кулона и Ома и он сможет уже не поверить, а именно понять, чем именно опасен электрический ток. Таким образом, скептицизм, в отличие от фидеизма, свидетельствует о «взрослости» сознания человека, который всё больше полагается не на готовые решения, внушённые ему кем-то (из благих побуждений или нет – это уже второй вопрос), а на собственные способности наблюдать, оценивать и делать выводы.

Что касается второго вопроса, то, на наш взгляд, на него следует ответить положительно. Не в том смысле, что нужно срочно и повсеместно отказаться от какой-либо веры вообще, а в том смысле, что такая возможность принципиально существует. Более того, она реализуется уже довольно долгое время в одной важной отрасли человеческой деятельности – науке, о чём мы и поговорим в следующем разделе.

Так ли бесплоден скептицизм?

Je n'ai pas besoin de cette hypothèse.
P.S. Laplace

Выше мы привели письмо Никиты, знакомый которого утверждает, что скептический подход свойственен науке, и решительный ответ иеромонаха Иова (Гумерова): *«Деятельность скептика абсолютно не имеет ничего общего с наукой»*. При такой формулировке трудно понять, имел ли в виду иеромонах какого-то отдельно взятого скептика, чья деятельность, возможно, и не имеет отношения к науке, или всех скептиков вообще. Если первое – тут трудно возражать, поскольку скептики бывают разные и далеко не все связывают свою жизнь с наукой. Если же второе – увы, иеромонах в очередной раз поспешил выдать желаемое за действительное. Здесь мы намерены показать, что, во всяком случае, наука имеет самое прямое отношение к скептицизму.

Нередко приходится слышать о том, что в основе любой науки лежит вера, что постулаты, аксиомы и вообще базовые положения любой науки сродни религиозным догмам (см. прим.2). Такой взгляд, мягко говоря, не соответствует действительности, но чтобы это понять, необходимо определиться с такими понятиями, как «догма», «аксиома» и «презумпция».

Догма – это положение, которое считается истинным при любых условиях. В частности, представления мусульман о том, что бог един и других богов нет или же представления христиан о том, что бог един по сути, но троичен в лицах, являются догмами, не подлежащими сомнению. Характерно, что многие верующие придерживаются догм своей религии даже тогда, когда эти положения опровергаются наблюдаемыми фактами. Скажем, половое размножение изучено настолько, что позволяет сделать вывод о невозможности развития зародыша из гаплоидной клетки. У некоторых животных (но не у человека) известны случаи, когда хромосомный набор гаметы дублируется и зародыш развивается, но в этом случае рождается женская особь, причём точная копия матери. И что, разве христиане, зная об этом, отказались от догмата о Непорочном Зачатии? Ничуть не бывало. Как и от догмата о сотворении мира *ex nihilo*, явно противоречащего законам сохранения и превращения вещества и энергии. На эти щекотливые вопросы христианские богословы обычно отвечают в духе «это сделал бог, а как он это сделал – людям знать не положено, даже ангелы небесные о том не знают». И в этом заключается одна очень важная черта догматического взгляда на мир, резко и принципиально отличающая фидеизм от скептицизма. Если скептик в качестве доводов всегда приводит факты, т.е. знания, то у догматика в роли *ultima ratio* часто выступает незнание – «неисповедимы пути господни».

В аксиоматике нередко усматривают схожесть с догматикой в силу того, что аксиома – это положение, принимаемое, как и догма, без доказательств. Однако при этом упускают из внимания одну очень важную особенность аксиоматических утверждений – это ни в коем случае не утверждения,

считающиеся истинными при любых условиях, а всего лишь исходные положения, на основании которых строится внутренне непротиворечивая система. Что характерно, работоспособность таких систем проверяется практикой, в отличие от религиозных догм. Например, Евклид в качестве аксиоматического утверждения принял положение о том, что через точку, лежащую вне данной прямой, можно провести одну и только одну прямую, параллельную данной, и на основании этого положения разработал внутренне непротиворечивую геометрию. Однако ни один математик не скажет, что аксиомы Евклида – это положения, истинные при любых условиях. Не скажет хотя бы уже потому, что Лобачевский и Риман взяли за основу другие аксиоматические утверждения, и на их основе построили собственные, неевклидовы, геометрии, тоже внутренне непротиворечивые.

Но самое главное – это то, что большинство положений современной науки являются презумпциями, то есть положениями, коренным образом отличающимися от аксиом и тем паче от догм. Наиболее расхожий пример презумпции – это презумпция невиновности, применяемая в юриспруденции. Коротко её можно сформулировать так: любой человек считается невиновным в совершении того или иного преступления до тех пор, пока не будет доказано обратное. Практически это означает, что обвиняемый не должен доказывать свою невиновность – дело обвинителя доказать вину, и если доказательства обвинения не будут опровергнуты, то обвиняемый будет признан виновным. Здесь исключительно важен тот момент, что презумпция *изначально содержит в себе возможность опровержения*, на которую, в частности, указывал К. Поппер (Поппер, 1983, 2004).

Арахнолог и палеонтолог К.Ю. Еськов в своей книге «История Земли и жизни на ней» (Еськов, 2004) приводит в качестве примеров презумпций биологический принцип определения степени родства организмов (*«Более сходные между собой организмы должны считаться более близко родственными между собой до тех пор, пока не доказано обратное (т.е. конвергентное возникновение этого сходства)»*) и распространённый в палеонтологии принцип актуализма (*«В процессе исторического исследования мы должны исходить из того, что любые системы в прошлом функционировали так же, как их современные аналоги, до тех пор, пока не доказано обратное»*). Аналогичных презумпций достаточно в любой современной науке. Так, из близкой нам лингвистики можно привести такой пример: мы должны исходить из того, что с развитием в языке категории вида у глагола число оппозиций в категории времени сокращается, и считать это положение истинным до тех пор, пока не доказано обратное (т.е. пока не будут обнаружены языки, в которых при образовании видовых форм глагола количество темпоральных форм увеличилось или хотя бы не уменьшилось).

Итак, в современной науке «правят бал» презумпции, но никак не догмы. Презумпции, в отличие от догм, не отметают любую гипотезу – они лишь устанавливают очерёдность рассмотрения разных гипотез. И здесь мы подошли ещё к одному важному и скептическому в самой сути своей принципу «Лезвия Оккама», который формулируется как *Pluralitas non est ponenda sine necessitate*. Есть и другие способы выражения этого принципа на латыни, но суть их одна – не

умножай сущностей без необходимости. Практически это означает, что при объяснении того или иного явления исходят из наиболее простой гипотезы и отказываются от неё в пользу более сложной лишь тогда, когда появляются факты, которые простая гипотеза не в состоянии объяснить.

Возьмём в качестве примера египетские пирамиды. В паранаучных кругах широко распространён взгляд, что эти постройки – дело инопланетного разума. Естественно, настоящие учёные-египтологи относятся к инопланетной версии скептически, и вовсе не потому, что «верят в отсутствие» инопланетян. Просто для инопланетной версии необходимо вводить в обиход дополнительную и ничем не доказанную сущность – собственно инопланетный разум. А зачем это делать, если постройка пирамид вполне объясняется земными версиями, без привлечения инопланетян? И хотя пока рано говорить, что о строительстве этих колоссальных сооружений учёные уже узнали всё, скепсис в отношении инопланетного разума позволяет учёным не распылять силы на проверку огромного множества гипотез, а сосредоточить усилия на проверке наиболее правдоподобных из них. «Лезвие Оккама», таким образом, не даёт неограниченно плодить сущности и позволяет отсекать лишние, ненаучные гипотезы. Разумеется, учёному вовсе не обязательно знать, кто такой Оккам и как формулируется его принцип – он использует его «по умолчанию». В конце концов, для работы важен сам инструмент, а не название завода, на котором он произведён.

Здесь возможны возражения в том духе, что вариант «всё создал бог» как раз и является наиболее простым объяснением. Ни в коем случае, и даже более того – это вообще не объяснение. При таком подходе в мировоззрение мало того, что вводится дополнительная сущность, но эта сущность к тому же сверхъестественная и априорно объявляемая непостижимой научными методами. Часто можно услышать довод креационистов: мир слишком сложен, чтобы возникнуть сам собою, следовательно, бог – это необходимая сущность для объяснения мира. Но тогда сразу возникает вопрос: если сложный мир не мог возникнуть сам собой, то как сверхсложный бог мог возникнуть сам собой? А ответом на этот вопрос, скорее всего, будет уход от реальности в мутные воды мистики: «неисповедимы пути господни». Таким образом, *principium parsimoniae* перекрывает богословию ход в науку – для объяснения мира учёным совсем нет никакой необходимости обращаться к идее бога. Именно по этому поводу ещё два века назад Пьер Лаплас просто и остроумно ответил Наполеону фразой, вынесенной нами в эпиграф к данному разделу: «Я не нуждался в этой гипотезе».

Наука скептична по самой своей природе – она ничего не принимает на веру и любым своим положениям ищет подтверждения в эксперименте. Более того, положения науки потенциально опровержимы, и даже хорошо зарекомендовавшие себя модели постоянно проверяются и перепроверяются. Конечно, скептицизм не обязательно подразумевает научность, но научность – это всегда скептицизм.

Духовная Академия против «бездуховных» академиков

Не судите, да не судимы будете. (Матф. 7, 1)

Времена, когда за научную деятельность человеку грозила суровая кара, вплоть до мучительной смерти, канули в прошлое, и хочется надеяться, что навсегда. Современное богословие (во всяком случае, христианское) выказывает вполне лояльное отношение к науке, поскольку «плыть против течения» – дело трудное, а в данном аспекте ещё и неблагодарное. Но стоит ли за данным благодушием равноправие (хотя бы декларируемое) между научным и религиозным мировоззрениями?

Открытое письмо академиков РАН президенту России В.В.Путину, озаглавленное как «Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны?» и получившее известность как «Письмо десяти академиков», вызвало резонанс в среде православного духовенства. Надо сказать, что письмо не содержит никаких нападок на религию, более того, академики прямо пишут: *«Верить или не верить в Бога — дело совести и убеждений отдельного человека. Мы уважаем чувства верующих и не ставим своей целью борьбу с религией. Но мы не можем оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное Знание, вытравить из образования "материалистическое видение мира", подменить знания, накопленные наукой, верой»*. Как видно, учёные выступили против попыток подмены научной методологии религиозной догматикой, против замены скептицизма фидеизмом в *светском* образовании, но не против религии как таковой. На это письмо тут же отозвался известный православный публицист, богослов и доцент Московской Духовной Академии диакон (теперь уже протодиакон) А. Кураев (см. прим.3).

Рассуждая о взаимодействии научного мышления (которое, как мы показали выше, скептично) и религии, Кураев пишет следующее: *«Вместо монополии материализма как философии в образовании должны быть а) просто наука; б) знакомство с культурой в многообразии её языков и мировоззренческих моделей; в) методологическая ясность, которая будет четко различать научные факты от научных теорий, а последние – от научных гипотез. В этой связи хорошо бы пораньше сообщать студентам о зависимости фактов от теорий. О том, что нет ни одной стопроцентно доказанной научной теории и теоремы (см. теорему Гёделя)…»*. Что тут можно сказать? Во-первых, материализм как философия в школах не преподаётся вообще – даже в советских школах было лишь немного диамата, да и то сильно упрощённого и «размазанного» по нескольким дисциплинам.

Во-вторых, очень показателен пассаж про «методологическую ясность». Фактически это означает требование от науки чётких догм, и пока их нет – все теории, гипотезы и мнения можно считать равноценными. Это очень характерно для взгляда верующих, и нам в этой связи вспоминается отрывок из письма А.А. Осипова (не путать с современным богословом А.И. Осиповым), опубликованного в газете «Правда» от 6 декабря 1959 г. Осипов описывает такой разговор профессоров Духовной Академии (выделено нами): *«Подошел ректор,*

доцент протоиерей Сперанский и сказал: "Ну, не везде же один полемический задор. Есть очень серьезные статьи с привлечением науки". Парийский, что называется, взорвался: "Нет никакой науки! ***Какая это наука, которая то одну, то другую теорию выдвигает. Нет никакой науки****..." Все замолчали. Ректор отошел. Мне же стало невыносимо душно. Физически душно в этом мире схоластики, для которого наука - это только окостенелые формулы догматов и учение об уставных каждениях и коленопреклонениях».* Наука оперирует фактами, и посему ни одна теория не может быть доказана на 100% (вот он, скептицизм) – всегда могут обнаружиться такие факты, которые данной теории будут противоречить. Наука занимается моделированием действительности и применяет те теории и гипотезы, которые удовлетворительно объясняют наблюдаемые факты, причём опровержение гипотезы вовсе не означает, что она была совершенно бесплодной. В качестве примера можно привести теплород. Да, такого вещества не оказалось, но уравнения термодинамики, полученные во времена распространения гипотезы теплорода, от этого действовать не перестали. Именно это и есть «просто наука» – перебор моделей и поиск наиболее точно описывающих наблюдаемые явления, а вовсе не предъявление чётких критериев отличия теории от гипотезы.

В-третьих, Кураев явно что-то недопонял, когда объявил факты зависящими от теории. Факты от теории не зависят, изменяться могут интерпретации фактов, но не факты как таковые.

Ну и, в-четвёртых, просто забавный тезис про теорему Гёделя: согласно Кураеву получается, что данная теорема либо ненаучна, либо не доказана.

Надо сказать, что Кураев, по крайней мере, выказал вполне лояльное отношение к научному взгляду на мир, хотя, возможно, и не до конца осознал скептицизм научного мировоззрения. Но вот в «Аргументах и фактах» (№ 47, 2004) публикуют коротенькое интервью с одним из авторов «Письма десяти», академиком и Нобелевским лауреатом, В.Л. Гинзбургом, который, помимо Нобелевской премии, прославился и своим нескрываемым атеизмом. В этом интервью он, в частности, сказал: *«Наука несовместима с верой в чудеса. Теизм же (христианство, ислам, иудаизм) целиком на них базируется».* После интервью была дана ещё более коротенькая заметка заместителя председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата протоиерея В. Чаплина, в которой, в частности, говорится следующее: *«Наверное, нельзя доказать существование Бога, используя только разум и наблюдения за материальным миром. Но точно так же нельзя доказать небытие Бога».* Здесь начисто забыто положение о том, что бремя доказывания (во всяком случае, доказательства существования чего-либо в общем виде) лежит на утверждающей, а не на отрицающей стороне. На этот момент часто указывают авторы пародийных религий, используя метод *reductio ad absurdum* – действительно, кто и какими методами может доказать отсутствие «чайника Рассела», «Летающего Макаронного Монстра» или «Невидимого Розового Единорога»?

Подготовившись обстоятельнее, православное духовенство нанесло зарвавшемуся атеисту Гинзбургу более решительный удар: в той же газете (№ 12, 2005) был опубликован отклик профессора Духовной Академии М. Дунаева

на интервью с В. Гинзбургом. Разумеется, Дунаев не спорит с Гинзбургом по вопросам физики (для этого надо разбираться в физике хотя бы не сильно хуже самого Гинзбурга), но зато достаточно чётко обрисовывает образ идеологического врага (стандартная практика конфликтного дискурса): *«Однако религия вовсе не против науки, но против научной идеологии, против претензий науки на обладание полнотою истины»*. Конечно же, Дунаев не против плодов науки – лечиться священники предпочитают у врачей, а не молитвами, «слово божье» очень удобно вещать через кабельные и спутниковые каналы связи и т.п. Однако все эти плоды невозможны без той самой «научной идеологии» (читай – методологии), против которой выступает духовный профессор.

Дунаев строго очерчивает круг возможностей науки: *«Почему-то не все хотят понять: наука весьма ограничена в своих возможностях. Она может ответить и отвечает на многие вопросы, но не знает ответа на важнейший. Еще Лев Толстой писал о том: наука может рассказать о чем угодно, даже вычислить расстояние от Земли до какого-нибудь созвездия Водолея, но она не знает, зачем живет человек на земле, каков смысл его бытия. "Человек умирает - и все", - утверждает Гинзбург в недавнем интервью корреспонденту "АиФ" Д. Писаренко. То есть (давайте обойдемся без модной ныне политкорректности): человек просто кусок дерьма, случайно появившийся в мире, неизвестно для чего живущий и бесцельно исчезающий. Так глаголет наука»*.

Комментарий к этому отрывку надо бы начать с того, что наука так не «глаголет». Наука состоит из вопросов «почему» и ответов «потому что», а не из вопросов «зачем» и ответов «для того, чтобы». Вопрос «зачем» подразумевает разумное целеполагание и оказывается за пределами науки – это вопрос философии, причём совсем не обязательно религиозной. Для любого человека на этот вопрос существует несколько вариантов ответа – как минимум, три. Во-первых, можно признать себя куском того, о чём пишет Дунаев, и просто плыть по течению. Во-вторых, можно приложить интеллектуальные усилия к тому, чтобы самому ставить перед собой цели и искать пути их достижения. Наконец, в-третьих, можно перепоручить постановку собственной цели (вместе с ответственностью за её достижение) какому-либо внешнему целеполагателю. В последнем случае всегда могут найтись (и обычно находятся) те, кто собственные цели будет выдавать за цели этого внешнего полагателя, особенно в тех случаях, когда проверка истинности утверждений невозможна. И далеко не факт, что извне не будут поставлены бесполезные или даже вредные для человека цели.

Также нелишне будет дать более развёрнутую цитату В. Гинзбурга: *«Я старый человек, сам с удовольствием воскрес бы или в рай отправился (в ад мне, конечно, не хочется), но я понимаю, что это невозможно. Что тут поделаешь? Человек умирает — и все. Нет у него никакой души»*. И здесь проявляется скептицизм учёного – Гинзбургу и хотелось бы обладать бессмертной душой, да нет фактов, которые бы это подтверждали. Разве это – призыв плыть по течению? Нет, это призыв трезво смотреть на мир и видеть его таким, какой он есть, нравится нам это или нет.

«Но может, наука чего-то недопонимает. И не способна понять. Она должна просто признать свою ограниченность – и тогда не будет разногласий между наукой и религией», –

объясняет Дунаев учёным их проблемы. Но зачем же так ограничивать науку? Наука берётся исследовать всё, что доступно для исследования, и едва ли откажется от исследования бога, если появится такая возможность. Проблема в том, что до настоящего времени науке неизвестны явления, однозначно свидетельствующие о наличии сверхъестественных сил. Правда, науке известно немалое количество подделок (икон и мощей, истекающих всевозможными жидкостями), явлений, считающихся сверхъестественными без достаточного на то основания (гипноз, спиритизм), а также различных психических расстройств, в результате которых у пациентов возникают ощущения «божественного присутствия» (См.Прим.4).

«Естественные науки … познают и "обслуживают" уровень тела, материальный уровень бытия. Вот здесь они могут быть бесспорно авторитетны. Однако более высокие уровни бытия для таких наук недоступны по вполне объективным причинам. Уровень душевный постигается средствами эстетическими, этическими, эмоциональными и лишь отчасти рациональными, при том, что методы естественно-научные к нему вовсе неприложимы», – убеждает читателей АиФ г-н Дунаев. Фактически же здесь декларируется неприменимость логики и эксперимента (то есть научных механизмов) к неким «высшим» уровням бытия, и на их место выдвигаются средства эстетические (наше богослужение красивее, значит, наша вера истинная), этические (наши принципы «Не убий» и «Не укради» правильны, значит, и всё учение верно) и эмоциональные (мне отвратительна мысль о родстве с обезьянами, следовательно, учение Дарвина ложно).

Далее Дунаев повторяет заблуждение Чаплина: *«Но если следовать сугубо научному принципу, то мы вправе потребовать: докажите. Докажите экспериментально, что Бога нет, нет души, а Горний мир выдумка. А доказательств-то и нет»*. Уже писали – не вправе. И не есть это «следование сугубо научному принципу».

Мы не ставили перед собой цель рассмотреть атеизм как явление, но трудно пройти мимо такого пассажа, очень характерного для мышления верующих: *«Повторим давнюю банальнейшую истину: атеизм также основан на вере, как и религиозное мировоззрение: если оно зиждется на вере в бытие Бога, то атеизм – на вере в небытие Бога. Да ведь и любая наука строится на некоторых аксиомах, принятых без доказательства, то есть на веру. Что ж, каждый волен верить, как ему заблагорассудится, только зачем несовершенные методы собственной веры объявлять абсолютными?»* – вопрошает Дунаев. По поводу догматики и аксиоматики мы уже писали, поэтому рассмотрим теперь «банальнейшую истину».

Семантическую структуру высказывания «атеист не верит в бога», можно представить так: [атеист [*нет* верить [бог]]]. Данная формула не сводится к структуре [атеист [верить [*нет* бог]]] по той простой причине, что переносить отрицание с функции на аргумент совершенно неправомерно. Проще говоря, неверие в наличие не подразумевает веры в отсутствие. Абсурдность «банальнейшей истины» становится очевидной, если заменить предикаты, но оставить расположение отрицаний в них: «Иван не курит табак – следовательно, Иван курит отсутствие табака», «Пётр не прыгал с самолёта с парашютом – следовательно, Пётр прыгал с самолёта без парашюта», «Игорь не играет в покер – следовательно, Игорь играет в отсутствие покера». Как видим, перед

нами – банальнейший софизм, а никакая не истина. А суть софизма в том, что в нём в скрытой форме утверждается вера как единственный вид мировоззрения, и атеистам подспудно приписывается фидеизм. Но ведь человек вовсе не обязательно должен во что-то верить, точно так же, как не обязательно курить, прыгать с самолётов или во что-то играть. Налицо проекция – оппоненту приписывается собственный взгляд. Ну а любителям повторять «банальнейшую истину» вслед за профессором Дунаевым мы можем порекомендовать считать отсутствие колбасы сортом колбасы, а лысину – цветом волос.

Иногда приходится слышать, что атеизм – это отрицание бога, что заложено в самой структуре этого слова (*theos* – бог, *a* – отрицательная частица). Но отрицательная частица вовсе не обязательно означает отрицание, она может означать просто отсутствие (недостаток) того, что обозначено корнем слова. Греческая приставка *a-* соответствует русской *без-*, а русская калька греческого слова *«атеист»* – *«безбожник»*. «Отрицающий бога» – это скорее «антитеист», то есть так называемый «сильный атеист», но далеко не любой. Если же любой атеизм считать отрицанием бога, то тогда и авитаминоз придётся считать отрицанием витаминов.

Ну и раз уж речь зашла об атеизме, попытаемся коротко ответить на вопрос о связи атеизма со скептицизмом. Скептик не может быть «сильным» атеистом по определению, поскольку для «сильного» атеизма отсутствие бога – это догма, которых у скептиков нет в принципе. А вот «слабым» атеистом скептик вполне может быть, поскольку для «слабого» атеизма отсутствие бога – это презумпция: мы исходим из того, что бога (или каких-либо сверхъестественных сил) не существует, и будем считать это истинным до тех пор, пока не доказано обратное. Большинство скептиков (хотя и не все), следуя принципу парсимонии, являются «по совместительству» слабыми атеистами.

Но вернёмся к вопросу о взаимоотношениях религиозного и научного мировоззрений. «Суди не выше сапога!» – указывает Дунаев Гинзбургу. Что же, посмотрим заодно, кто, как и о чём судит. Разве академики (хоть в письме к В.В. Путину, хоть в частных интервью) предпринимали попытки судить о религии как таковой? Отнюдь. Тот же В. Гинзбург ни разу не дал православным священникам рекомендаций по поводу того, сколько каждений полагается в том или ином случае, и не брался поучать мусульманских богословов в толковании каких-то айятов тех или иных сур Корана. А что делает профессор Дунаев? Именно судит науку и пытается указывать учёным, чем они должны заниматься и чем не должны.

Можно ли рассматривать спор духовенства с академиками РАН как частный случай расхождения во мнениях? Решительно нет, и вот почему. Все эти споры – суть проявления непримиримого антагонизма двух мировоззрений. Непримиримого постольку, поскольку эти мировоззрения имеют разные основы – фидеизм и скептицизм. Если в ряде случаев мы сталкиваемся с несоответствием установок внутри дискурса, когда оппоненты просто не понимают доводов друг друга (как, например, иеромонах Гумеров, написавший о скептицизме, демонстрирует своё полное его непонимание), то в случае с академиками РАН мы видим совсем другой пример. Здесь церковь начинает и

развивает именно конфликтный дискурс со всеми присущими ему характеристиками: выделение оппонента и предмета конфликта, ярко выраженная оппозиция, стремление сохранить (улучшить) собственный имидж и ухудшить имидж оппонента и т.д. Причина выбора церковью линии на конфликт, на наш взгляд, довольно прозрачна: наука вполне может обойтись без религии, а вот сможет ли религия в современном мире обойтись без науки? Вопрос риторический.

Список литературы:

Шпет, Г.Г. Скептик и его душа // Г.Г. Шпет. Философские этюды. – М., 1994.

Поппер, К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983; Поппер, К. Логика научного исследования. – М.: Республика, 2004.

Еськов, К.Ю. История Земли и жизни на ней. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2004.

Примечания:

1. В целом ряде своих статей и выступлений, в том числе на официальном сайте КПРФ и в её печатных органах, Геннадий Андреевич не без гордости упоминал о том, что патриарх (ныне покойный) Алексий II высоко оценил книгу Зюганова «Святая Русь и Кощеево царство» и даже презентовал её своим собеседникам.
2. В частности, это мнение высказывает в целом ряде своих лекций известный современный богослов А.И. Осипов.
3. Статья размещена на сайте А. Кураева по адресу: http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=143&Itemid
4. На эту тему есть интересная статья: Salver, Jeffrey L., John Rabin. The Neural Substrates of Religious Experience // The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. – 1997, vol. 9, # 3, special issue: the neuropsychiatry of limbic and subcortical disorders. – pp. 498 – 510.